

Шолохов М.

30.09.91

Из дневника Анатолия Калинина

Соб. Ресурсы - 1991 - 3 сент.

«А у нас сейчас вальдшнепы летят»

Последние встречи с Шолоховым

Представлять нашему читателю донского писателя Анатолия Калинина, конечно, не надо. Герои его романов и повестей живут в памяти. Хорошо известно и о многолетней глубокой дружбе А. Калинина с М. Шолоховым, нашедшей отражение в книгах «Вешенское лето» и «Время Тихого Дона». Сегодня мы публикуем главы из дневника А. Калинина, посвященные последним дням жизни Михаила Александровича Шолохова.

Говорил по телефону с Михаилом Александровичем.

Сперва взял трубку его секретарь М. В. Коньшин. Зная, что у Михаила Александровича что-то неладно с горлом, хотел не утруждать его, узнать через Коньшина, что именно, но тот сказал:

— Нет, он сам хочет взять трубку. И дальше разговор:
— Здравствуйте, Михаил Александрович.

— Здравствуй, Анатолий.
— Как вы себя чувствуете?
— Ничего.
— Сегодня мне больше нравится ваш голос.

Он засмеялся:
— Да, лучше.
— Поздравляю Марию Петровну и вас с внучкой.

Не без гордости он подчеркнул:
— Тоже Мария.
— Здоровая девочка?
— Хорошая.

Дальше я не стал утомлять его. Голос у него лучше, чем в прошлый раз. Неделью назад едва слышен был.

...Когда шли по парку к радиологическому корпусу, уже темно было. Михаил Александрович и Мария Петровна сидели в палате за небольшим столиком. Палата у них более чем скромная. Кроме столика, две кровати с тумбочками у изголовий. Михаил Александрович бледен, изнурен процедурами. Говорит тихо, закашливается. Сделали уже одиннадцать сеансов кобальтовой пушкой.

— Как твоё здоровье? — И тут же он спросил: — Как там озимые?

Был у Михаила Александровича профессор — радиолог Павлов, смотрел гортань и сказал, что отпускает его на десять дней домой — т. е. на московскую квартиру (на Сивцевом Вражке). После отдыха облучение продолжат. Мария Петровна опять жаловалась по телефону, что ест совсем плохо. Но на другой день и она, и Мария Михайловна обрадованно сообщили, что хорошо пообедали.

— Даже голос прорезался, — похвалилась Мария Михайловна.

Она и Светлана Михайловна, повеселев, рассказывали, что отец шутил, разговаривая с Коньшиным, вспоминая охотничьи истории. Признаться, я пожалел, что не был при этом. Всегда и все, что Михаил Александрович рассказывал у себя за обеденным столом или на внутренней летней террасе дома, обычно было интересно, выпукло, перемешано юмором так, что

бери карандаш и записывай. Увы, записывали мало. И я однажды только решился достать блокнот, чтобы слово в слово записать то, что он сказал о Л. Н. Толстом. Это было еще до его болезни опубликовано в «Известиях». Думаю, девять десятых его устной «прозы» так и ушло в песок.

По словам Марии Петровны, радиолог Павлов обещал восстановить Михаилу Александровичу голос. Вскоре ему опять предстоит тяжелые процедуры.

Михаил Александрович рассказывал мне в Вешенской:

— В доме у Дроздовых — разговор (по обыкновению он полагается на догадливость собеседника и не утруждается лишними пояснениями) — с одним из командиров, остановившихся на постой. (Все же я поясню: это было на хуторе Плешакове, где Шолоховы занимали в доме у казаков Дроздовых половину дома, а на другой половине жили хозяева) — ...В декабре восемнадцатого или в январе девятнадцатого. Мне было неполных четырнадцать, но я постоянно вертелся там, где взрослые... Командир из Инзенской дивизии красных — лет под сорок, начитанный рабочий. С отцом, помню, был у них разговор. Командир говорил: «И казаков мы переделаем». Отец скептически отвечал: «Выидет ли? Не так это просто». Я слушал их и вдруг в упор спросил у командира: «За что вы воюете? И тот мне полноту, доступную моему мальчишескому пониманию, стал излагать. Он — это запомнилось — говорил со мной серьезно и увлеченно. Еще помню, что отец подарил ему курительную трубку, и командир был страшно доволен. Тут же набил ее махоркой, закурил. Да, был он по облику и по речи из начитанных рабочих. Не крестьянин. Интеллигентный рабочий. Он и после со мной не раз разговаривал и как-то сумел так мое мальчишеское сердце пленить, что вскоре уже я не сомневался в правоте того, за что они воюют. Да, это был командир из Инзенской дивизии, — помолчав, Шолохов добавил: — В определенном возрасте взрослые с удовольствием разговаривают с мальчишками. В Богучаре я, когда учился, стоял на квартире у многодетного священника Анатолия Дмитриевича Тишанского. Жило у него нас, гимназистов, душ восемь. Разновозрастные. Старшеклассники — под стать его сыну Николаю, — он постарше был, а мы, мелкота, — ровесники младшему, Алексею. Тоже любил с нами поговорить без всякой снисходительности. Обычно всех по утрам поднимал словами: «Отцы и братья!» Со мной почему-то особо любил поговорить, приступая ко мне со словами: «Ну вот, скажи мне, хитроумный Одиссей...» — Шолохов пояснял. — Но в Богучарской гимназии он не Закон Божий, а историю преподавал. Семикаракорский казак генерал-майор Иванов, который командовал Северным фронтом, стоял в 18-м году на квартире в Вешках у Владимира Капитоновича Мохова, — был такой разорившийся купчик, у которого и я

тогда квартировал. И, так сказать, диапазон моего знакомства был тогда достаточно широк. Иванов не могу сказать, чтобы плохо ко мне относился. Никогда не прогонял, когда я оказывался в комнате и при его разговорах с хозяином — с Моховым. От этого Иванова (Шолохов так и сказал — «от этого»). — А. К.) я и с другими общался. От него до его денщика Лапченкова. (Я всегда поражался памяти Шолохова на фамилии, лица, истории, детали, но здесь не мог не поразиться еще раз: Шолохов вспоминал все это на 73-м году своей жизни. — А. К.) — ...Из многого запомнилось, Иванов с Моховым ужинали, болтали. Я слушал. «В Латвии, на побережье, когда стали на квартиры, удивился: что за черт, латыши — они светлые, а тут черноволосые и черноглазые ребятишки бегают — это было на Балтийском побережье. Оказывается, до этого наши атаманы здесь квартировали. — Шолохов считает нужным пояснить: — Иванов был генерал образованный, умница... Штаб Северного фронта располагался в Вешках — фронт был неустойчивый, колебался... Убитых на фронте вешенцев-офицеров возили хоронить сюда. Отпевали тут. Нас, гимназистов, гоняли прощаться с ними. И вот, обычно по обряду надо было целовать покойника в лоб, а он уже тленом пахнет. На лошадях от Поворино-Филонова двое-трое суток везли.

В тот же раз Шолохов кратко высказался о переговорах с американским президентом Картером по ОСВ:

— Все сознают, что в этой войне выигравших не будет. В том числе и Картер. Но военно-промышленные монополии тянут свое. Хотят завалить ОСВ в сенате. Вопрос «кто — кого» — те, кто хочет войны, и те, кто хочет мира, — стоит до сих пор. Он с повестки не снят.

Говорил по телефону с Марией Михайловной, младшей дочерью Михаила Александровича. Он на лечении, из больницы на Мичуринском проспекте его перевели в радиологическое отделение ЦКБ. Облучают гортань кобальтом. Во время телефонного разговора не было произнесено слово «рак», но само собой витало. Я ей сказал, что есть две разновидности этой болезни, которые поддаются лечению. Она быстро добавила: «Три. Горло, кожа и мочевого пузыря. Но только тогда, когда не запущено». И пояснила в ответ на мой вопрос «Брали ли ткань?», что диагноз не вызывает сомнений: «Гортань и верхушки легких». Я сказал: «Ему нельзя курить». «Да что вы, Анатолий Вениаминович, разве кто его удержит. И говорит, и курит столько же, сколько всегда. Положение осложняется тем, что очень ослаб. Второе поднимаем и одеваем. Почти не ест. По приезду в Москву у него был, не скажу еще раз инсульт, но, судя по всему, затяжной спазм сосудов. Еле вывели из критического состояния». На мой вопрос: «Сколько раз будут облучать?», ответила: «Каждый день в течение месяца. Врачи сказали, чтобы мы каждую

минуту были готовы к худшему». Я сказал, что приеду в Москву. «Он будет рад», — сказала Мария Михайловна.

Однако диагноз — диагнозом, а хочется верить, что организм Михаила Александровича должен за него заступиться. Помню, как из Ростова (лет 20—25 назад) летал к нему профессор А. С. Воронов, терапевт, и потом с восхищением говорил мне в Пухляковском: «Я еще не видел такого сложения и такой мужской красоты. Русский богатырь».

И коль нет пока крови, то нет и распада ткани, а это так важно. Я ведь и сам через облучение прошел и почти в этом же районе. Конечно, я тогда был много моложе его, теперешнего, но прошло уже много лет, и рецидивов нет.

Твердо решено, едем в Москву: я, Саша, Наташа. Ничего, что она прихватит 4—5 дней к осенним каникулам. Может быть, я буду нужен ему...

Вот и не верь внезапному чувству. В мае прошлого года, когда я увидел в Вешенской его бронзовый бюст, вдруг повеяло от него холодом. Нет, бюст сам по себе хорош, но показалось, что отныне он как будто отчуждает будет Михаила Александровича от окружающей жизни. Торопить уступить место.

Об этом благодарные современники не подумали. Ну а как живому и бронзовому теперь оставаться вместе в Вешенской по ночам? Они совсем рядом. Что будет «думать» один и что — другой?

Разве бронза удержится от того, чтобы постараться поскорее вытеснить живого? «Я люблю вас, но живого, а не мумию» — и здесь приходят другие слова: «Но, обреченный на гоненье, еще я долго буду петь, чтоб и мое степное пенье сумело бронзой прозвенеть».

Мало кто знает, будучи уверенным, что Шолохов «баловень судьбы», какая долгая и мучительная дорога гонений пролегла к этой бронзе. 1937-й и 1938-й годы, когда, заключая его товарищей и подсылая к нему агента, хотели раз и навсегда покончить с ним... Заступничество Сталина... Все время думаю о подоплеке и мотивах этого заступничества. Впрочем, Сталину дано было впадать в противоречия с самим собой. Тому не один пример. Помимо Шолохова: А. Толстой, Булгаков, Твардовский, а раньше всех Горький. Считался и со славой Серафимовича, с талантам Леонова, Фадеева.

...Последний удар после всех преддущих был нанесен Шолохову в 1975 году перед юбилеем, когда в Париже вышла книжка «Д» «Стремя Тихого Дона». Вскоре после этого у Михаила Александровича был инсульт. Юбилейное заседание в Большом театре прошло без его участия. Если б у меня спросили: «Да, но почему же он так все воспринял, если знал, что все это клевета?» Я ответил бы: «А почему Пушкин воспринял так клевету на свою честь?»